

М.И. Панов

**МИНИСТР ЮСТИЦИИ, ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Н.В. МУРАВЬЕВ —
В СЛУЖЕНИИ ЗАКОНУ**

“Ты правды свет зажег над миром
Добро сердечно ты встречал.
Ты не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал”¹.

Так писал о смерти великого русского судебного оратора Н.В. Муравьева (1850—1908) его почитатель в далекой Сибири. Причем если лавры судебных “златоустов” в России традиционно срывали адвокаты, то Николай Валерианович принадлежал к другому лагерю — он был блистательным обвинителем и непреклонным защитником закона.

М.В. Ломоносов, называя известные еще из античной риторики три рода красноречия (политическое, т.е. совещательное, судебное, торжественное, т.е. эпидейктическое), заметил, что судебное красноречие не распространено в России. Так было вплоть до реформы 1864 г., которая заложила принципиально новые основы судопроизводства. Слушание дел стало гласным, в процесс ввели прокурора, адвоката, присяжных заседателей. Суд стал местом публичных заседаний, полем словесных битв чинов прокуратуры и защитников. Громкие судебные процессы привлекали на свои заседания широкую публику, они стали освещаться в печати. Появилась плеяда блестящих судебных ораторов.

Судебная реформа 20 ноября 1864 г. и ее основные положения, заложенные в Судебных уставах. Воздействие реформы на развитие судебного красноречия в России: 1) создание всесловного суда и равенство всех перед судом; 2) отделение суда от администрации и независимость суда; 3) учреждение института присяжных заседателей; 4) выборность мировых судей и присяжных заседателей; 5) несменяемость судей и следователей; 6) появление состязательности сторон и гласности судебного

Панов Михаил Иванович — доктор философских наук, профессор.

¹ *Баранцевич Е.М.* На смерть Николая Валериановича Муравьева (скончался 1 декабря 1908 г.). Томск, 1908. С. 1.

разбирательства; 7) возникновение российской присяжной адвокатуры.

Но процесс реформ, в том числе и дальнейшее развитие судебной риторики, были поставлены под угрозу развернутой партией “Народная воля” террористической деятельностью. В ответ происходит учреждение в 1872 г. Особого присутствия Правительствующего сената для рассмотрения наиболее важных дел о государственных преступлениях и ограничения гласности при ведении политических процессов. Только в течение 1879—1882 гг. было проведено около девяноста политических процессов, одним из самых известных стал процесс над убийцами императора Александра II (“Дело о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II Николаевич”).

Обвинителем на этом процессе был Н.В. Муравьев — и.о. прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената. Речь Н.В. Муравьева длилась пять часов и по объему даже в “несколько сокращенном виде”, как она была издана в “Правительственном Вестнике”, занимает более 70 страниц большого формата (с 35 по 105), будучи перепечатанной во втором томе двухтомника Н.В. Муравьева “Из прошлой деятельности”. Вот начало этой речи:

«Гг. сенаторы, гг. сословные представители! — Призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи. Перед свежее, едва закрывшейся могилою нашего возлюбленного Монарха, среди всеобщего плача Отечества, потерявшего так неожиданно и так ужасно своего незабвенного Отца и Преобразователя, я боюсь не найти в своих слабых силах достаточно яркого и могучего слова, достойного того великого народного горя, во имя которого я являюсь теперь перед вами требовать правосудия, виновным требовать возмездия, а поруганной ими, проклинающей их России — удовлетворения! Как русский и верноподданный, как гражданин и как человек я исполню свою обязанность, положив в нее все силы, всю душу свою; но на моем пути есть одно не легко преодолимое препятствие, о котором я не могу не сказать вам, потому что уверен, что с ним столкнетесь — или уже столкнулись — и вы. Трудно, милостивые государи, быть юристом, слугою безличного и бесстрастного закона в такую роковую, историческую минуту, когда и в себе самом, и вокруг все содрогается от ужаса и негодования, когда при одном воспоминании о событии 1-го марта — неудержимые слезы подступают к глазам и дро-

жит в голосе, когда все, что есть в стране честного и верного своему долгу, громко вопиет об отмщении; трудно, но для нас, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о беспристрастии и спокойствии всестороннего судебного рассмотрения, о суде на точном основании всех правил и гарантий судопроизводства говорит нам самый закон, данный тем же Мудрым Законодателем обновленной России, чей еще так недавно светлый и милостивый образ мы с горестью видим теперь перед собою облеченным в траур по Его безвременной кончине. Судебное следствие, полное потрясающих фактов и страшных подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человеческой гибели, такую ужасающую картину извращения всех человеческих чувств и инстинктов, что нам понадобится все мужество и все хладнокровие гражданина, пред которым внезапно открылась зияющая глубокая язва родины и от которого эта родина ждет первого ближайшего спешного средства для своего исцеления. Для того чтобы произвести над подсудимыми суд справедливости и закона, нам предстоит спокойно исследовать и оценить во всей совокупности несмываемые пятна злодейски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое исповедание убийства, всеобщего разрушения — и в этой горестной, но священной работе да поможет нам Бог!

Веления Промысла неисповедимы. Совершилось событие неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидетелями преступления, подобного которому не знает история человечества. Великий Царь-Освободитель, благословляемый миллионами вековых рабов, которым Он даровал свободу, Государь, открывший своей обширной стране новые пути к развитию и благоденствию, человек, чья личная кротость и возвышенное благородство помыслов и деяний были хорошо известны всему цивилизованному миру, словом, Тот, на ком в течение четверти столетия покоились все лучшие надежды русского народа — пал мученической смертью на улицах своей столицы среди белого дня, среди кипящей кругом жизни и верного престолу населения! Я постараюсь доказать впоследствии, что в этой обстановке преступления, которую убийцы в своем циническом самомнении приписывают своему могуществу, сказала лишь особая злость адски задуманного плана и простое сцепление роковых случайностей; теперь же я должен остановить внимание Особого присутствия на самом событии этого преступления и пригласить высокое судилище вместе со мною углубиться в его невыразимо тягостные подробности. Это не факт, это исто-

рия. С глубокосердечною болью я вызываю это страшное воспоминание о цареубийстве, но я не могу сделать иначе по двум причинам: во-первых, потому, что из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц; во-вторых... но здесь меня останавливает на минуту смех Желябова, тот веселый или иронический смех, который не оставлял его во время судебного следствия и который, вероятно, заставит его и потрясающую картину события 1-го марта встретить глумлением. Но я вижу среди подсудимых людей, которые, каковы бы они ни были, все-таки не в таком настроении, как Желябов, и потому я решаюсь еще раз подвергнуть общую печаль его глумлению — я знаю, что и быть должно: ведь когда *люди* плачут, *Желябовы* смеются! Итак, я не могу не говорить о самом событии 1-го марта, во-вторых, потому, что в настоящие торжественные минуты суда я хотел бы в последний раз широко развернуть перед подсудимыми картину события 1-го марта и сказать им: “Если у вас осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что чувствуют и понимают другие люди, носящие образ Божий — любуйтесь! Вы этого хотели, это дело рук ваших, на вас лежит эта чистая кровь!”»².

Может возникнуть вполне резонный вопрос: зачем приводить столь обширные отрывки из речи, ведь желающие могут обратиться к материалам процесса либо произведениям тех, кто писал об этой проблеме. В том-то и дело, что даже авторы, которые пишут о Н.В. Муравьеве, например известные юристы, государственные советники юстиции, имеющие большой опыт не только прокурорской, но и исследовательской деятельности А.Г. Звягинцев и Ю.Г. Орлов³, а также известный специалист, блестящий юрист, профессор А.М. Ларин (1924—1998), подробно разбирающий дело 1-го марта 1881 г., ограничиваются лишь замечанием о том, что Н.В. Муравьев остроумно отреагировал на смех Желябова⁴.

И вот окончание речи Н.В. Муравьева по делу 1-го марта 1881 г.:

² Дело о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II Николаевич // *Муравьев Н.В.* Из прошлой деятельности. В 2 т. СПб., 1900. Т. 2: Речь и сообщения. С. 35—37.

³ *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Российские прокуроры. М., 1999. Раздел: “Талантливейший из прокуроров”: Генерал-прокурор Николай Валерианович Муравьев. С. 332; *Они же.* Самые знаменитые юристы России. М., 2003. Раздел: Николай Валерианович Муравьев. С. 247.

⁴ *Ларин А.М.* Государственные преступления. Россия. XIX век (Взгляд через столетие). Тула, 2000. Раздел: Процесс “Первого марта”. С. 492.

“Безнадежно суровы и тяжки эти последствия, определяющие ту высшую кару, которая отнимает у преступника самое дорогое из человеческих благ — жизнь; но она законна, необходима, она должна поразить преступников цареубийства. Она законна, а в неуклонном применении действующих законов, в благоговейном преклонении пред ними, в строжайшем охранении установленного ими правильного гражданского строя — вся наша гражданская сила в настоящее трудное время, все наше спасение. Она необходима потому, что против цареубийц и крамольников нет другого средства государственной самозащиты. Человеческое правосудие с ужасом останавливается перед их преступлениями и с содроганием убеждается, что тем, кого оно заклеимило, не может быть места среди Божьего мира. Отрицатели веры, бойцы всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия, противники нравственности, беспощадные развратители молодости — всюду несут они свою страшную проповедь бунта и крови, отмечая убийствами свой отвратительный след. Дальше им идти некуда: 1-го марта они переполнили меру злодейств. Довольно выстрадала из-за них наша родина, которую они запятнали драгоценною Царскою кровью — и в нашем лице Россия свершит над ними свой суд. Да будет же убийство величайшего из Монархов последним деянием их земного преступного поприща. Людьми отвергнутые, отечеством проклятые, перед правосудием Всевышнего Бога пусть дадут они ответ в своих злодеяниях и потрясенной России возвратят ее мир и спокойствие. Россия раздавит крамолу и, смиряясь перед волею Промысла, пославшего ей тяжкое испытание, в пережитой борьбе почерпнет новые силы, новую горячую веру в светлое будущее. Не того хотели мрачные заговорщики 1-го марта, но все их кровавые замыслы и злодейства разобьются о верную русскую грудь, разлетятся в прах перед ясным разумом, волею и любовью русских людей. Крамола могла тайным ударом пресечь преходящее течение хрупкой человеческой жизни, хотя бы, по Божьей воле, то была жизнь великого Государя России, но крамола была и всегда будет бессильна поколебать вековую русскую преданность Престолу и существующему государственному порядку. С корнем вырвет русский народ адские плевелы русской земли и, тесно, дружно сомкнувшись неслетными рядами благомыслящих граждан, бодро последует за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своим, ныне вступившим на Царство Августейшим Вождем!”⁵.

⁵ Дело о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II Николаевич // *Муравьев Н.В.* Указ. соч. С. 104—105.

Конечно, можно было бы не касаться политических дел, особенно столь непростого в восприятии дела, как дело об убийстве императора Александра II. В конце концов блестящий талант Н.М. Муравьева, выпускника юридического факультета Императорского Московского университета, ярко проявился в его обвинительных речах в деле о “Клубе червонных валетов”, либо в деле генерала Гартунга, либо в деле о развалившемся доме Купеческого общества.

Но истина не может зависеть ни от политической конъюнктуры, ни от “удобности” при изложении. Да и сегодня суровая правда жизни подразвела флер революционной романтики во круг террористов, которые, как им, может быть, лично и казалось, шли на смерть во имя высоких идеалов, а на самом деле заливали Россию кровью! Террор не может быть оправдан никакими высокими идеалами, ибо льется кровь невинных людей. Вспомним, сколько погибло просто случайных людей во время так называемой “охоты” на царя, сколько защитников престола пало от рук убийц! Если при этом мы забудем, что и император Александр II, и Петр Аркадьевич Столыпин, и многие другие жертвы террористов — это, между прочим, тоже люди, у которых были дети, жены, их любимшие, и у которых тоже было право на жизнь, как и у всех других!

Есть еще один вопрос — прагматический: а насколько деятельность террористов отодвинула удовлетворение реальных чаяний народа, за которые якобы и боролись Перовские, Желябовы, Халтурины, Каляевы, Сазоновы, Гершуни и др.? Разве русский крестьянин да и вся Россия в целом не выиграли бы от успешно проведенной аграрной реформы П.А. Столыпина?

Н.В. Муравьев, будущий министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи, свою риторскую карьеру начал в должности товарища (заместителя) прокурора Московского окружного суда. В 70-е гг. он прославился воистину грозной силой своего обличающего слова.

А теперь напомним о громком деле “червонных валетов”. Одного из них (правда, под именем “пикового”) широко разрекламировал Борис Акунин, описав его деяния, включая и “продажу” дома московского генерал-губернатора князя В.А. Долго-рукого. А вот что говорил на этом процессе Н.В. Муравьев в своей обвинительной речи:

“Значение уголовного дела и отношение к нему всех, входящих с ним в какое-либо соприкосновение, всегда до некоторой степени определяется тем общественным интересом, который с ним связан. Такова сила всемогущей гласности, преимущество и вашего, милостивые государи, первенствующего

участия в разрешении важнейших уголовных дел. Это в особенности применимо к так называемым крупным, из ряда вон выходящим делам, то есть к тем, с которыми связаны крупные, из ряда вон выходящие общественные интересы. Замечательные страницы в истории русского судопроизводства — дело Мясникова, дело Митрофании, Коммерческого ссудного банка — лучшие тому доказательства. С каждым из них крепко и неразрывно соединяется самое живое и свежее представление с целым рядом явлений и взглядов огромного общественного значения. При одном имени каждого из дел разом всплывают своеобразные, драгоценные своею жизненностью, яркие типы зла, если скажу, что то же самое свойственно отчасти и настоящему делу”⁶.

Знаменитая журналистка Е.И. Козлинина подробно писала об этом деле⁷. Вся Москва бурлила, следя за судебными баталиями. И вновь слово прокурору:

“Не прихоть, не случай, не желание преувеличивать виновность руководили обвинительной властью при совместном и одновременном представлении всех подсудимых вашему суду. Она повиновалась прежде всего прямым и безусловным требованиям закона, которые выражаются в двух неприятных для подсудимых понятиях — соучастии виновных и совокупности преступлений. Эти-то два требования со стороны формальной и склонили подсудимых в ту густую тьму, из которой им так страстно хочется и так трудно вырваться. Я согласен с тем, что положение подсудимых было бы выгоднее и приятнее, если бы не было таких предписаний закона, какие есть. Вот они, эти предписания. Все соучастники преступления судятся в одном суде, и именно в том, коему подсудимы главные виновные, или в ведомстве коего находится большее число обвиняемых. Но если один из соучастников в преступлении подсуден высшему, а другие низшему суду, то дело подлежит решению высшего суда. И дальше: в случае обвинения кого-либо в выше поименованных преступлениях, из коих одни подлежат рассмотрению высшего, а другие низшего суда, дело решается тем судом, которому подсудно важнейшее из сих преступлений. Глубокий смысл скрывается в сих словах закона и основывается на том твердом, коренном судебном обычае, чтобы всех подсудимых, связанных между собою какими бы то ни

⁶ Дело о “Клубе червонных валетов”. Обвинительная речь товарища прокурора Н.В. Муравьева // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997. С. 263.

⁷ Козлинина Е.И. За полвека: 1862—1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда): Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 250—276.

было видами и случаями соучастия, за все совершенные каждым из них преступления судить по возможности вместе, в одном заседании, в одно время, одним составом суда и присяжных заседателей. Только этим путем судьи вполне знакомятся с преступлением и виновниками, со всею обстановкой первых и жизнью последних, а не с обрывками фактов, вырвавшимися из общей связи с их причинами, условиями и последствиями. Только при такой постановке уголовного дела оно разворачивается перед судьями в полном своем объеме, и они получают возможность верно постигнуть, с кем и с чем именно они имеют дело, и, следовательно, могут действительно стать на высоте своего призвания. Изречение о том, что соединение создает силу, вполне применимо и к миру преступности, и уголовный судья только тогда может сломать преступную силу, когда видит ее всю со всеми ее составными частями и деталями”⁸.

Один из самых знаменитых процессов — это дело вдовы и душеприказчиков некоего миллионера Занфтлебена, душеприказчики которого генерал-майор Гартунг и граф Ланской помогли его молодой вдове похитить финансовые документы.

“Господа присяжные заседатели! Бывают уголовные дела, к их числу принадлежит и настоящее дело, которые с общественной точки зрения следует признать в одно и то же время печальными и утешительными. Такое двойственное, но во всяком случае не равнодушное к ним отношение неизбежно для всякого, кому дороги общественные интересы, кто в действиях правосудия привык искать охрану закона и справедливости. Совместное появление на скамье подсудимых заведующего третьим округом государственного коннозаводства генерал-майора Гартунга, полковника графа Ланского, бывшего секретаря старого сената присяжного стряпчего коллежского советника Алферова, вдовы первой гильдии купца Ольги Занфтлебен и крестьянина Мышакова перед судом общественной совести по обвинению в краже, хотя бы и многотысячной, нельзя не считать фактом столько же глубоко прискорбным, сколько и поразительным. Стоять так высоко и пасть так низко! Вот первое невольное, тягостное ощущение, которое неминуемо возбуждается даже при самом поверхностном взгляде на обстановку выслушанного вами процесса. Безотчетное недоверие, невольное сомнение в уместности этой обстановки и в основательности ее являются необходимыми спутниками этой первой еще неясной, но уже горькой мысли. Верить справед-

⁸ Дело о “Клубе червонных валетов”. С. 265—266.

ливости обвинения так странно, так тяжело и совестно! Как-то не хочется верить, как-то сам собою открывается легкий доступ смутному предположению о том, не одна ли натяжка все это обвинение, не создание ли оно личной вражды между потерпевшими и подсудимыми, не результат ли их разгоревшихся страстей. Людей, которые совмещают во внешнем своем положении все для того, чтобы служить для других примером, которые еще вчера считали за собою неотъемлемые права на приязнь равных и уважение низших, сегодня называют переступившими уголовную границу между своим и чужим. Это очень, очень печально и, пожалуй, отчасти сомнительно.

Такова сразу бросающаяся в глаза печальная сторона общественного значения настоящего дела и вытекающее из нее возможное предубеждение. Но мысль разумного, честного гражданина не может, не вправе остановиться на нем. Разве только от того, кто умышленно не хочет видеть и слышать, ускользнет другая, не менее резкая и очевидная, но более светлая сторона этого дела в его общественном смысле.

В самом факте, в самой возможности появления генерала Гартунга, графа Ланского и их спутников на скамье подсудимых, перед вашим судом, быть может, нельзя не видеть некоторой, так сказать, предварительной победы правосудия. Ни знатность происхождения, ни высокое общественное и служебное положение, ни соединенные с тем и другим друзья и связи, ничто не помешало действиям безличного, бесстрастного закона. Равный для всех, допускающий могущество и торжество одной только справедливости, обязанный стоять на стороне обиженных и пострадавших, он призвал подсудимых к ответу”⁹.

Уже упоминавшаяся журналистка Е.И. Козлинина писала об этом деле и о значении обвинительной речи Николая Валериановича на процессе так: “...Сенсационное дело, кончившееся очень трагически, но в то же время создавшее Н.В. Муравьеву такой триумф, что с этого времени все его речи стали печататься целиком”¹⁰.

И вот еще один принципиальный по значимости отрывок из этой речи Н.В. Муравьева:

«Перед судом нет ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых людей. Суд видит перед собою только людей, об-

⁹ Дело генерала Гартунга. Обвинительная речь прокурора Н.В.Муравьева // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. С. 355—356.

¹⁰ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 281.

виняемых в преступлении, ожидающих от него справедливого приговора, — и в этом величайший залог правосудия. Поэтому я считаю своей обязанностью теперь пригласить вас вместе со мною при рассмотрении данных судебного следствия отрешиться от всяких мыслей о тех особенных, исключительных, из ряда вон выходящих условиях, которыми обставлены личности подсудимых вообще и генерала Гартунга в особенности. Судите его так же, как вы стали бы судить всякого другого, самого последнего, самого слабого, скромного человека, обвиняемого в преступлении. Забудьте о его генеральских погонах и знаках отличия, о его общественном положении, предыдущей жизни и свойствах его среды, как и всякого другого подсудимого, представшего перед вашим судом; считайте генерала Гартунга и его сотоварищей невиновными до тех пор, пока виновность их не будет для вас ясно доказана, но вместе с тем ничем не стесняясь и не смущаясь, примените к ним и к их оправданиям ту же мерку и те же приемы, посредством которых судья удостоверяет во всяком предполагаемом посягательстве на чужую собственность. <...> Только тогда, когда убеждение ваше склонится на сторону обвинения, когда вы, убежденные фактами и очевидностью, признаете в своем сознании, что виновность генерала Гартунга и других подсудимых доказана, — только тогда, когда придется обратиться к обстоятельствам, усиливающим эту виновность, и обратитесь к общественному положению, образованию, развитию, степени обеспеченности и другим личным свойствам подсудимых. Тогда вы дадите всем этим обстоятельствам место в своем суждении и будете не только вправе, но и обязаны помнить то великое, вечное слово, что “кому много дано, с того много и взыщется!”»¹¹.

После этой речи генерал Гартунг застрелился прямо в зале суда. И вновь слово знаменитой журналистке, красочно описавшей этот процесс. Е.И. Козлинина характеризует последствия речи Н.В. Муравьева так:

“Его сильное обвинительное слово, беспощадно брошенное Гартунгу в лицо в присутствии всей лучшей части московского общества, видимо, всколыхнуло совесть несчастного генерала, пробудив в нем сознание того позора, который пережить невозможно.

Обвинительный приговор, вынесенный присяжными заседателями Гартунгу, Алферову и Ольге Занфтлебен, только под-

¹¹ Дело генерала Гартунга. С. 356—357.

твердил, что жить с этим клеймом больше нельзя, и, выслушав его, генерал Гартунг тут же в Суде пустил себе пулю в лоб.

Такая трагическая развязка произвела в стенах Суда необычайный переполох. Истерически рыдал над убитым его защитник, присяжный поверенный С.В. Щелкан, в обморок упал старшина присяжных заседателей, да нехорошо себя чувствовал и Н.В. Муравьев. Триумф, купленный ценою человеческой жизни, не особенно его радовал, и он пожалел, что не сумел быть в этот раз великодушнее.

Понуро расходилась из Суда и публика, видимо, сожалея о тех овациях, которые она так шумно и так восторженно расстачала перед талантом молодого обвинителя”¹².

Трудно полемизировать с реальными участниками процесса, видевшими все происходящее в зале суда своими глазами, но тем не менее хотелось бы подчеркнуть следующее: разве Н.В. Муравьев искажил в своей речи истину, и мог ли он, даже узнав каким-нибудь неведомым путем о подобном исходе дела, пойти против своего долга? И разве преступление генерала Гартунга перестало быть менее омерзительным, когда он “увидел” свое подлинное лицо в словах прокурора? Мне кажется, здесь Е.И. Козлинина допускает обычный журналистский трюк, выжимая слезу из читателей.

Как на самом деле понимал свое служение закону Николай Валерианович, лучше всего дает его речь, произнесенная 4 января 1894 г. на приеме чинов центрального управления министерства юстиции при вступлении в управление министерством (1 января Н.В. Муравьев вступил в управление министерством, а 17 апреля того же 1894 г. утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора). Вот его слова:

“Суд имеет дело с первейшими интересами общества и драгоценнейшими достояниями отдельных лиц. Отсюда и управление ходом правосудия, во всех соприкосновениях своих с этими интересами и достояниями, да не смешивает истинной законности с узким формализмом, непреклонной твердости в применении закона с черствой сухостью приемов. Нет, лучше, входя в тяжелое положение обращающихся к нам за помощью, посильно облегчать им это положение, чем, равнодушно замыкаясь в пределы формальной правомерности, лишать их слабый голос возможности и права быть услышанным. Но так как не всякое, конечно, домогательство заслуживает удовлетворения, не всякое стоит даже и участия, то было бы всего жела-

¹² Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 283—284.

тельное такое общее к ним отношение, которое распространило и укрепило бы сознание, что здесь только правое дело и лишь законные стремления могут рассчитывать на успех.

Мне не приходится говорить о важности столь коренных устоев нашей деятельности, как беспристрастие, нелицеприятие, уважение к личному достоинству, заслугам, познаниям, трудолюбию; я едва решаюсь упомянуть и о том, что само собою разумеется — об отвращении от всего, что отзывается искательством, фаворитизмом, беспринципностью. Я полагаю для каждого слишком ясным, что все это такие святые и притом элементарные наши обязанности, забвение которых прямо несовместно с честью служить в ведомстве, носящем имя справедливости.

Я душевно желал бы в этих моих понятиях встретить в вас сознательное единомыслие не на словах только, а и на самом деле. Тогда, и только тогда могут быть производительны наши совокупные труды, от которых ожидает еще многого наш Всемиловитейший Государь и наше дорогое отечество. Помня об этом, постараемся работать усердно и энергично, но не самоуверенно или с предвзятыми мыслями, а благоговейно проникаясь высоким духом истинного служения Царской правде и милости. Будем любить наше дело, без чего невозможно его процветание, и в этой любви, в неуклонной ему преданности будем черпать силы для преодоления всех его многочисленных трудностей. Сочту себя счастливым, если с Божьей помощью сумею подать вам в этом пример, и не хочу сомневаться, что и вы, с своей стороны, приложите все усилия к ревностному исполнению вашего верноподданнического долга в указанном мною направлении, которое я, по глубокому убеждению совести, признаю единственно правильным и полезным¹³.

Очень серьезная проблема — это суд присяжных. Н.В. Муравьева обвиняли чуть ли не в том, что он против этого юридического института. И вот слово Николаю Валериановичу — это его знаменитая статья 1880 г. «Оправдательные решения присяжных заседателей при сознании подсудимых». Н.В. Муравьев писал:

«В печати появилось основанное на слухах известие о том, что в законодательных сферах вырабатывается проект закона об устранении присяжных заседателей от разрешения тех дел,

¹³ *Муравьев Н.В.* Слово при вступлении в управление министерством юстиции // *Муравьев Н.В.* Указ. соч. С. 375—376.

по которым подсудимые сознались в приписываемых им преступлениях. Насколько можно судить по содержанию этого довольно неопределенного известия, речь идет об установлении у нас нового процессуального порядка, сходного с одним из древнейших и оригинальнейших институтов английского права, в котором в случае соответствующего определенным условиям заявления подсудимого о том, что он *pleads guilty*, т.е. признает себя виновным в преступлениях, взводимых на него обвинительным актом, функция суда присяжных отпадает и заменяется исходящим от коронного судьи простым применением уголовного закона к признанному преступному деянию, короче — немедленным постановлением приговора о наказании.

Слухи о таком проекте, как и следовало ожидать, обратили на себя общественное внимание и уже вызвали оживленное их обсуждение в газетных и журнальных статьях. Это и не могло быть иначе. Проект, если только ему суждено осуществиться, внесет новое ограничение в юрисдикцию нашего суда присяжных и поэтому представляет животрепещущий интерес одинаково и для его друзей, и для его врагов. Это существенное значение основного принципа проекта для русской юстиции и русского общества, значение специальное, зависящее от времени и места, резко отличает снимок от оригинала: в Англии указанный выше институт есть неотъемлемая, органическая принадлежность присяжного судопроизводства, *trial by jury* логический, естественный и неизбежный продукт его исторического образования, перенесение же к нам чего-либо подобного было бы законодательным нововведением, суживающим круг деятельности суда присяжных во втором десятилетии его существования.

Ни для кого не тайна, каков может быть главный мотив возмущенного проекта. Превратившись в закон, он, очевидно, послужит официальным выражением и подтверждением того весьма распространенного мнения, что наш суд присяжных вообще часто уклоняется от правильного пути и своих прямых задач, а в частности склонен оправдывать или “миловать”, “прощать” сознавшихся и поэтому несомненных преступников, чем ослабляется сила уголовной репрессии с явным вредом для общественной безопасности и благосостояния. Проектируемый порядок как мера частная и единичная отвечает собственно на вторую половину этого мнения, которая логически развивается в такую полную формулу: *присяжные заседатели по закону свободны в своих приговорах, не дают никому в них отчета и поэтому могут* (формально) оправдывать сознавшихся подсу-

димых, но не должны по духу своих обязанностей и высшим целям своего призвания этого делать...»¹⁴.

А вот завершение этой принципиальной по значимости статьи Н.В. Муравьева:

«Все сказанное выше, основанное на истинном смысле закона в действительном значении жизненных явлений, обязывает добросовестного исследователя русского суда присяжных противопоставить приведенному в начале этих заметок силлогизму о законодательной мере против присяжных, “милующих” виновных, другой не менее категорический силлогизм: *присяжные заседатели* не только формально *могут*, но в известных случаях в действительности *должны*, во исполнение своего судейского призвания, *оправдывать сознавшихся подсудимых*; в аналогичных случаях *коронные судьи*, по всей вероятности, *будут поступать так же*. А так как и в настоящее время *присяжные заседатели* оправдывают при сознании в виде редкого исключения только тогда, *когда это* по особенным обстоятельствам дела, не зависящим вовсе от суда или по крайней мере от суда присяжных, *является безусловно необходимым для достижения целей правосудия*, то *передача суждения о сознавшихся исключительно в руки коронных судей не вызывается ни рационально-юридическими, ни утилитарными соображениями*.

Нам кажется, что этим выводом устанавливается та единственно верная точка зрения, с которой русскому юристу следует смотреть на основную мысль проекта, возвещенного газетными слухами. В наше время “шатания” принципов, мнений и людей особенно много говорят и заботятся о так называемом охранительном направлении. Пусть же оно будет охранительным вполне и по отношению к тем великим существующим учреждениям, которые, подобно суду присяжных, вошли в плоть и кровь русского народа и составляют его драгоценное и славное приобретение. В неприкосновенной целостности и правильном развитии присяжного судопроизводства — будущность и надежда русского уголовного правосудия»¹⁵.

Очень непросто складывались взаимоотношения двух великих судебных деятелей России, но оказавшихся по разные стороны баррикады правоведения — Н.В. Муравьева и Анатолия Федоровича Кони (1844—1927). Очень странная закономерность: Н.В. Муравьев — один из наиболее упоминаемых на

¹⁴ *Муравьев Н.В.* Оправдательные решения присяжных заседателей при сознании подсудимых // *Муравьев Н.В.* Указ. соч. Т. I: Статьи по судебным вопросам. С. 196—197.

¹⁵ Там же. С. 232—233.

страницах многотомного собрания сочинений А.Ф. Кони. Причем если в первые годы их знакомства А.Ф. Кони высоко оценивал деяния Н.В. Муравьева, то затем все больше обвинений в служении престолу и т.д.

Известный адвокат, публицист, один из лидеров партии кадетов, издававший в эмиграции в Берлине многотомный “Архив русской революции”, И.В. Гессен (1865—1943) писал о взаимоотношениях двух великих судебных риториков А.Ф. Кони и Н.В. Муравьева так:

«Они были непримиримыми соперниками, никак не могли поделить между собою славы. Муравьеву несомненно принадлежала пальма первенства в ораторском искусстве, он был оратором в истинном значении слова, действовал на слушателей, как певец, самым произнесением речи, независимо от ее содержания. У Кони центр тяжести лежал именно в содержании, заботливо построенном и ароматно насыщенном умело подобранными яркими цитатами из разных авторов. Помню речь Муравьева по какому-то торжественному случаю перед чинами министерства, у которых волнующие трепетные модуляции голоса невольно вызывали слезы, и точно так же помню “открытое письмо” Кони к Дерюжинскому на приглашение сотрудничества в официальном журнале “Детская помощь” <...> 15 страниц ответа на это приглашение составляли прелестный букет цветов человеческого глубокомыслия и остроумия, и изумительное их сочетание выдавало художественное чутье садовника <...> У обоих соперников был один и тот же недостаток, который каждый видел только в другом, — у Муравьева некоторая напыщенность тона, а у Кони заметная вычурность построения»¹⁶.

Завершить этот краткий абрис жизни великого служителя закона хочется его словами, обращенными к молодым выпускникам юридического факультета, т.е. служителям Фемиды, но пока еще к служителям будущим. Итак, 24 ноября 1890 г. Н.В. Муравьев был председателем юридической испытательной комиссии при Императорском Московском университете, или, как сказали бы сегодня, председателем Государственной комиссии. И в ответ на благодарственное приветствие, с которым выдержавшие окончательное испытание в обратились к нему, Николай Валерианович сказал буквально следующее:

«От имени комиссии сердечно благодарю вас за выраженные вами добрые чувства. Они тем более приятны и дороги нам, что, стало быть, наше посильное отношение к возложен-

¹⁶ Цит. по: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Российские прокуроры*. С. 340—341.

ному на нас нелегкому делу нашло себе отголосок в вашем чутком понимании и молодой восприимчивости. А отношение это было в сущности лишь простым исполнением долга, по совести и крайнему разумению, с принятием в соображение всего того, что в круге ваших интересов и нужд мы находили действительно серьезного и разумного. Позвольте же мне, господа, именно отсюда вытекающим душевным и искренним пожеланием проводить вас на открывающийся перед вами широкий путь самостоятельной деятельности.

Недаром вы, потрудившись так долго и много, выдержали теперь государственное юридическое испытание. За порогом его начинается ваш собственный долг пред государством, которому вы только ревностным исполнением этого долга можете отплатить за полученное образование и связанные с ним права. Сложен и труден, но зато свят и велик нравственный и общественный долг окончившего курс русского юриста, кем бы ни стал он впоследствии: служителем ли чистой науки, судебным ли деятелем или работником на каком-либо ином практическом поприще. Исполнять этот долг значит: быть верным подданным своего государя, крепко любить свою родину, деятельно служить ей по мере сил и способностей, бережно чтить и хранить ее законы и основные великие учреждения, твердо стоять за правду и справедливость, смело бороться с неправдой и злом. Скажу и еще: для исполнения этого долга нужно работать без устали и, работая, влагать в дело, как говорится, всю душу свою, нужно помнить великие задачи этого дела, не увлекаться легковесною фразой, не размениваться на житейские мелочи, не замыкаться в узком личном эгоизме, при котором возможна, конечно, внешняя практическая удача, но никогда не будет ни истинного уважения окружающих, ни собственного внутреннего, высшего, ни с чем не сравнимого удовлетворения. И если ко всему этому прибавить еще пожелание, чтобы вы, господа, в предстоящей вам “битве жизни” сохранили в неприкосновенной целости все хорошее, приобретенное вами в стенах университета, и не забывали лучших стародавних заветов московского студенчества, то дорога ваша намечена, и каковы бы ни были ее трудности и невзгоды, поверьте мне, рано ли, поздно ли, на ней вас ждет честный и заслуженный успех!»¹⁷.

¹⁷ *Муравьев Н.В.* Слово к выдержавшим окончательное испытание из юридических наук при Императорском Московском университете // *Муравьев Н.В.* Указ. соч. Т. 2: Речи и сообщения. С. 357—358.

Сочинения Н.В. Муравьева

Дело о “Клубе червонных валетов” (Обвинительная речь товарища прокурора Н.В. Муравьева) // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997.

Дело генерала Гартунга (Обвинительная речь прокурора Н.В. Муравьева) // Там же.

Муравьев Н.В. Задачи прокурорского надзора // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 9.

Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1: Статьи по судебным вопросам; Т. 2: Речи и сообщения.

Муравьев Н.В. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. М., 1886.

Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. Вопрос судостроительства и судебной политики. М., 1886.

Муравьев Н.В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Дореволюционные юристы о прокуратуре / Сост. С.М. Казанцев. М., 2001.

Наказ министра юстиции генерал-прокурора Н.В. Муравьева чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов // Там же.

Муравьев Н.В. Последние речи 1900—1902 гг. СПб., 1903.

Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1: Прокуратура на Западе и в России.

Муравьев Н.В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. СПб., 1892.

Литература о Н.В.Муравьеве

Баранцевич Е.М. На смерть Николая Валериановича Муравьева (скончался 1 декабря 1908 г.). Томск, 1908.

Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Российские прокуроры. М., 1999. Раздел: “Талантливейший из прокуроров”: Генерал-прокурор Николай Валерианович Муравьев.

Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Самые знаменитые юристы России. М., 2003. Раздел: Николай Валерианович Муравьев.

Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб., 1993.

Козлинина Е.И. За полвека: 1862—1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда): Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.

Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1966—1969. Т. 1: Из записок судебного деятеля. Раздел: Гражданские дела.

Ларин А.М. Государственные преступления. Россия. XIX век (Взгляд через столетие). Тула, 2000. Раздел: Процесс “Первого марта”.

Левенстим А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде // Судебное красноречие русских юристов прошлого. М., 1992. С. 160—162.

Министерство юстиции за сто лет. Исторический обзор. СПб., 1902.

Панов М.И. Муравьев Николай Валерианович // Эффективная коммуникация: История, теория, практика. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2005.

Панов М.И. Эффективная коммуникация и государственное управление // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 2. Раздел: Эффективная коммуникация в истории государства Российского. С. 98—99.

Панов М.И., Петров В.В. Действительно ли слово ратора в состоянии повлиять на ход истории? // Филологический журнал: Межвузовский сборник научных работ. Южно-Сахалинск. 2000. Вып. IX. Раздел: А были ли случаи, когда слово ратора меняло ход истории государства Российского? С. 76.

Прокуроры и адвокаты: Знаменитые процессы. Минск, 1998. Раздел: Генерал-прокуратура России (блок: Генерал-прокурор Н.В. Муравьев).

Процесс “Первого марта” 1881 года. СПб., 1906.

Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976.

Центральный исторический архив г. Москвы. Фонд 131. Опись 7. Дело № 954 (О службе Н.В. Муравьева).